

ISSN 0131-6095

Русская литература

1

2011

Санкт-Петербург
«НАУКА»

Русская литература

№ 1

Историко-литературный журнал

2011

Издается с января 1958 года

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Александр Левицкий (США). Державин как исповедник Пушкина	3
К 300-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. В. ЛОМОНОСОВА	
П. Е. Бухаркин. Литературная позиция М. В. Ломоносова	24
К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ П. Я. ДАШКОВА	
Н. Ю. Болотина, Е. В. Иванова. Обзор семейных фондов Дашковых в Государственном архиве РФ	39
Н. М. Полунина. Коллекция П. Я. Дашкова в собрании Государственного Исторического музея	50
И. П. Ерохина. Рисунки с сюжетами русско-турецких войн 1806—1812 и 1828—1829 годов (из собрания П. Я. Дашкова в Государственном Историческом музее)	55
МАТЕРИАЛЫ ИЗ СОБРАНИЯ П. Я. ДАШКОВА В ПУШКИНСКОМ ДОМЕ	
Т. В. Сазонова. Сборник приходо-расходных книг Кирилло-Новозерского монастыря	60
А. В. Романова. Автографы И. А. Гончарова	65
Н. С. Беляев. «Лермонтовский альбом»	68
М. Ю. Степина. Материалы, связанные с Н. А. Некрасовым	70
ПОЛЕМИКА	
А. А. Костин. Дивный новый цифровой мир, или Об источниках «Прибавления к Московским ведомостям»	75

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

«НАУКА»

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

Н. Е. Никонова. Письма В. А. Жуковского К. К. Зейдлицу: русско-немецкий диалог	95
Д. Л. Чавчанидзе. Романтизм и классика в размышлениях Гете и Пушкина	119
А. В. Вдовин. Почему «испился» Белинский? Эстетическая позиция «Современника» в конце 1840-х годов	125
Б. Ф. Егоров. Парные оппозиции и триады у Ф. М. Достоевского и Ю. М. Лотмана	133
В. А. Калитин. Новые биографические данные об А. Ф. Гильфердинге	137
А. А. Асоян. Дантология Веселовского <i>sub specie temporis postri</i>	143
О. Е. Рубинчик. «Сердце просит роз поблеклых...». Розы у Иннокентия Анненского	154
Л. Д. Зубарев. «Мы по-своему каждый свое ясновидели...». К истории «примирения» А. Блока и Вяч. Иванова	171
Переписка А. В. и М. В. Туфановых: 1920—1940-е годы. Часть 5. Новгород (август 1936 — октябрь 1939) (вступительная статья, подготовка текста и комментарии Т. М. Двинятиной и А. В. Крусанова) (Продолжение)	183
М. В. Смирнова. Текст-трансформер Андрея Битова, или «Кубик-рубик» одного сюжета	224

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Е. В. Иванова. Переписка А. А. Фета: биография в новом ракурсе	238
Д. М. Буланин. Таинство или игра: русская историко-филологическая наука рубежа XIX—XX веков и ее ритуалы	242
Е. В. Булышева. Этапная книга	254

ХРОНИКА

М. Н. Нечаева. Семинар «„Убить Чарскую...“: этические и поэтические парадоксы со- ветского творчества для детей (20—30-е годы)»	258
Т. Б. Трофимова. Круглый стол «Вторые академические собрания сочинений русских писателей»	265
Н. Ю. Меньшенина. П. Я. Дашков и его собрание: к 100-летию со дня смерти собирателя	268
М. А. Федотова. Чтения по литературе и культуре Древней Руси в Ростове Великом .	272
А. Г. Гродецкая, С. М. Климова. Сто лет спустя: VII Международная научная конферен- ция в Ясной Поляне	280
А. А. Костин, Н. Д. Кочеткова. Памяти Ильи Захаровича Сермана	285

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

Главный редактор *В. Е. БАГНО*

Редакционная коллегия:

*Е. В. АНИСИМОВ, Д. М. БУЛАНИН, М. Н. ВИРОЛАЙНЕН,
Г. Я. ГАЛАГАН* (зам. главного редактора), *А. А. ГОРЕЛОВ, В. Я. ГРЕЧНЕВ,
И. Ф. ДАНИЛОВА* (отв. секретарь редакции), *Н. Н. КАЗАНСКИЙ, В. А. КОТЕЛЬНИКОВ,
Н. Д. КОЧЕТКОВА, А. В. ЛАВРОВ, А. М. МОЛДОВАН, С. И. НИКОЛАЕВ,
Ю. М. ПРОЗОРОВ, Н. Н. СКАТОВ, А. Л. ТОПОРКОВ, С. А. ФОМИЧЕВ, Т. С. ЦАРЬКОВА*

Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4.
Телефон/факс (812) 328-16-01
e-mail: rusliter@mail.ru

Санкт-Петербург
Издательство «Наука»

© Российская академия наук, 2011 г.
© Редакция журнала «Русская
литература» (составитель), 2011 г.

© Л. Д. Зубарев

«МЫ ПО-СВОЕМУ КАЖДЫЙ СВОЕ ЯСНОВИДЕЛИ...» К ИСТОРИИ «ПРИМИРЕНИЯ» А. БЛОКА И Вяч. ИВАНОВА¹

История отношений Блока и Вяч. Иванова в разное время привлекала внимание многих исследователей.² В одной из блоковских дневниковых записей Е. Л. Белькинд нашла ключ к характеристике этих отношений: «Есть люди, с которыми можно и нужно говорить только о простом и „логическом“, — это те, с которыми не ощущается связи мистической. С другими — с которыми все непрестанно чувствуется сродство на какой бы то ни было почве — надо говорить о сложном и „глубинном“. Тут-то выясняются истины мира — через общение глубин».³ Примечательно, как эта запись перекликается с характеристикой, данной Блоку Ивановым в беседе с Моисеем Алтманом: «Блок, по-моему, первый из современных русских лириков. В обычной речи он такой простой, двух слов как бы связать не может, а меж тем в своих стихах он говорит вам и знает о вас интуитивно такие вещи, такие интимные переживания, какие никто другой не знает».⁴

Объединив все известные на тот момент материалы, характеризующие отношения Блока и Иванова, и опубликовав их переписку 1907—1916 годов, Е. Л. Белькинд закончила свою статью словами: «Письмо от 16 января 1916 года завершает переписку Блока и Вяч. Иванова. Отношения их становятся все более отдаленными, уходят в область чисто литературного общения современников».⁵

Действительно, если рассматривать только фактическую сторону общения двух поэтов, то оно почти отсутствует после 1916 года, хотя сотрудничество Блока в Петроградском отделении ТЕО Наркомпроса⁶ и Иванова — в его Московском отделении⁷ привело к установлению между ними опосредованных деловых контактов (с осени 1918 года Петроградское отделение ТЕО было подотчетно Московскому, и Иванов как один из руководителей последнего по долгу службы знакомился с протоколами заседаний петроградских коллег). Точно так же и состоявшееся 23 апреля 1919 года в издательстве «Всемирная литература» обсуждение статьи Иванова «Кручи. О кризисе гуманизма» (1919)⁸ имело прямое отношение к истории созда-

¹ Основные положения этой статьи были представлены на Лотмановском семинаре (Тарту, 2010). Автор благодарит всех, кто принял участие в обсуждении доклада, которое позволило внести несколько существенных дополнений.

² Белькинд Е. Л. Блок и Вяч. Иванов // Блоковский сборник II. Труды второй научной конференции, посвященной изучению жизни и творчества А. А. Блока. Тарту, 1972. С. 365—384; Миц З. Г. А. Блок и В. Иванов // Единство и изменчивость историко-литературного процесса. Тарту, 1982. С. 97—111 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 604); Из переписки Александра Блока и Вячеслава Иванова / Публ. Н. В. Котрелева // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1982. Т. 41. № 2. С. 163—176; Ермилова Е. В. «Заточник вольный». (Символы «свободы» и «нищеты» у Вячеслава Иванова и Блока) // Вячеслав Иванов. Материалы и исследования. М., 1996. С. 232—246.

³ Блок А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 7. С. 24.

⁴ Алтман М. С. Разговоры с Вячеславом Ивановым. СПб., 1995. С. 25.

⁵ Белькинд Е. Л. Указ. соч. С. 384.

⁶ Подробнее об этом см.: Герасимов Ю. К. А. Блок и советский театр первых лет революции // Блоковский сборник (I). Труды научной конференции, посвященной изучению жизни и творчества А. А. Блока, май 1962 года. Тарту, 1964. С. 321—344; Блок в Театральной комиссии и ТЕО Наркомпроса. Документальная хроника. Неизвестные письма и рецензии Блока / Публ. В. В. Ивановой // Лит. наследство. 1993. Т. 92. Кн. 5. С. 134—222.

⁷ О деятельности Вяч. Иванова в этот период см.: Зубарев Л. Д. Вячеслав Иванов и театральная реформа первых послереволюционных лет // Начало: Сб. работ молодых ученых. М., 1998. Вып. IV. С. 184—216.

⁸ Блок А. Записные книжки. М.; Л., 1965. С. 312.

ния написанной тогда же статьи Блока «Крушение гуманизма» (1919), что составляет отдельную страницу в истории их отношений.⁹

Однако для понимания сути творческого диалога поэтов важны не только эти явные точки соприкосновения, но и то «созвучие» на «глубинном» уровне, которое сохранялось между ними вплоть до смерти Блока (а для Иванова, как мы увидим далее, оставалось актуальным и позже).

Одним из проявлений такого опосредованного общения стало участие Блока и Иванова в организованном С. М. Алянским издательстве «Алконост», оказавшееся возможным вопреки возникшему после октябрьского переворота взаимонепониманию. История издательства общеизвестна.¹⁰ Как отмечал один из первых ее исследователей: «В годы затруднений на книжном рынке „Алконост“ сплотил и организовал тех писателей символистского направления, которые в той или иной степени приняв революцию, остались в Советской России...».¹¹

Алянский подробно описал в воспоминаниях мотивы, заставившие его обратиться к Блоку, и содержание своего первого разговора с поэтом, состоявшегося 14 июня 1918 года. В ответ на предложение молодого издателя объединить символистов «вокруг своего журнала, организовать свое издательство», поэт «мягко выразил сомнение в реальности <...> проектов».¹²

Позднее Алянский понял источник этих сомнений: после появления поэмы «Двенадцать» от Блока «отвернулись многие писатели, среди которых были и его друзья».¹³

В следующем разговоре Блок с еще бóльшим скепсисом отозвался о перспективах будущего объединения писателей-символистов в новой политической ситуации: «Поэма „Двенадцать“ создала такую брешь в моих отношениях с большинством писателей, что вряд ли сейчас мыслимо какое-либо объединение».¹⁴

Тем интереснее, что «несвоевременным мыслям» Алянского было суждено осуществиться. По крайней мере, трех крупнейших символистов — Блока, Иванова и Андрея Белого — он сумел сплотить вокруг своего издательства, и даже начал выпуск журнала «Записки мечтателей» (всего увидело свет шесть номеров, что для тех лет, когда из-за нехватки бумаги большинство литературных проектов так и осталось нереализованным, совсем немало).

Блок все-таки решил поддержать идею Алянского и уже во время второго разговора с ним предложил напечатать «Соловьиный сад».¹⁵ Отдельное издание этой

⁹ Подробнее об этом см.: *Иванова Е. В.* К спору вокруг статьи А. Блока «Крушение гуманизма» // *Славянские литературы. X Международный съезд славистов. Доклады советской делегации.* М., 1988. С. 192—201. Об обстоятельствах создания этих статей Блока и Вяч. Иванова см.: *Щербакова О. П.* «Кручи» Вяч. Иванова и «Крушение гуманизма» А. Блока // *Вестник МГУ. Сер. 9. Филология.* 1990. № 2. С. 21—27; *Зубарев Л. Д.* А. Блок и Вяч. Иванов: революция и судьба гуманистических ценностей // *История и филология: проблемы научной и образовательной интеграции на рубеже тысячелетий. Материалы Международной конференции (2—5 февраля 2000 года).* Петрозаводск, 2000. С. 249—255.

¹⁰ *Чернов И. А.* А. Блок и книгоиздательство «Алконост» // *Блоковский сборник* (1). С. 530—538; *Белов С. В.* Мастер книги: Очерк жизни и деятельности С. М. Алянского. Л., 1979; *Глейзер М. М.* Издательство «Алконост». 1918—1923. Краткий историко-книговедческий очерк. Издательский библиографический каталог. Л., 1990.

¹¹ *Чернов И. А.* Указ. соч. С. 530.

¹² *Алянский С. М.* Встречи с Александром Блоком. М., 1972. С. 34.

¹³ Там же. Среди прервавших отношения с Блоком была, например, Зинаида Гиппиус, внесшая его в январе 1918 года в свой список «интеллигентов-перебежчиков <...>, которые уже оказываются в связях с сегодняшними преступниками», хоть и с оговоркой, что Блока жаль больше всех (см.: «Черные тетради» Зинаиды Гиппиус / Подг. текста М. М. Павловой; Предисл. и прим. М. М. Павловой, Д. И. Зубарева // *Звенья: Исторический альманах.* М.; СПб., 1992. Вып. 2. С. 57).

¹⁴ *Алянский С. М.* Указ. соч. С. 39.

¹⁵ Там же. С. 42.

поэмы и стало первой книгой, выпущенной «Алконостом»: ¹⁶ 11 июля 1918 года Блок получил от Алянского корректуру, а 19 июля — 50 экземпляров издания.¹⁷

В отличие от опубликованной на полгода раньше поэмы «Двенадцать», «Соловьиный сад» встретил благосклонный прием у читателей и критиков. В хроникальной заметке газеты «Жизнь искусства», посвященной вечеру 3 октября 1919 года в Студии издательства «Всемирная литература», на котором Блок читал «Соловьиный сад», поэма была названа «пленительной».¹⁸ А в анонимном информационном сообщении «Новой газеты» о ней было сказано: «Новое издательство „Алконост“ (...) дебютировало выпуском в виде миниатюрной книжечки новой поэмы Александра Блока „Соловьиный сад“. Это — первое поэтическое признание Блока после знаменитого „красногвардейски-христианского“ цикла „Двенадцать“, перепечатанного во всех лево-эсеровских газетах и журналах».¹⁹

Подобных откликов на поэму был целый ряд.²⁰ Мы приведем лишь отзыв критика Ю. Айхенвальда: «Соловьи всегда правы. (...) Недавно они послышались, напевной волною полились из „Соловьиного сада“ Александра Блока, и это вернуло нашего лирика в его родную стихию, из которой его увлекли, было, грубые „Двенадцать“ и самозванные, мнимые, искусственные „Скифы“. Политика инородным телом своим нарушает хаотичность блоковских мелодий, и они хороши только в своей первоначальной чистоте. Блок — только лирик. К счастью, это очень много».²¹

Эти отзывы, прежде всего мнение Айхенвальда, важны для нас потому, что сходным образом отреагировал на «Соловьиный сад» и Иванов. Как мы увидим, поэма умерила и его возмущение «Двенадцатью», позволив объединиться с Блоком под маркой издательства «Алконост».

Отдельное издание «Соловьиного сада» под маркой нового издательства²² оказалось весьма успешным. Окрыленный Алянский задумал «вслед за „Соловьиным садом“ издать небольшие книжечки московских поэтов — Андрея Белого и Вячеслава Иванова, наиболее близких по духу и творчеству Блоку. (...) Решив ехать в Москву, я просил Блока разрешить мне подарить Белому и Вячеславу Иванову „Соловьиный сад“. Блок охотно тут же сделал дружеские надписи на книжечках и, передавая их мне, опять засомневался: „Не знаю, как встретит Вас Вячеслав Иванов. Не знаю, примет ли он этот подарок“. Повторяю, я тогда многого не знал. (...) Блок же рассказал о Вячеславе Иванове перед моим отъездом в Москву только то, что сразу после революции Вячеслав Иванов оказался во враждебном лагере, писал резкие стихи против революции, а после появления в печати поэмы „Двенадцать“ порвал отношения с Блоком».²³

Это последнее свидетельство Алянского имеет большую ценность для изучения отношений Блока и Иванова. Во-первых, оно позволяет сделать вывод о том, что Блок читал «Песни смутного времени», которые публиковались в еженедельнике «Народоправство» в декабре 1917—феврале 1918 годов, и воспринял их как «резкие стихи против революции». Кроме того, здесь подтвержден сам факт зна-

¹⁶ До этого поэма была напечатана дважды: 25 декабря (7 января) 1915 года в газете «Русское слово» и 26 ноября 1917 года в литературном приложении к эсеровской газете «Воля народа» (№ 1) без предварительной санкции Блока. Однако на фоне бурных исторических событий обе публикации остались практически незамеченными. Подробнее об этом см.: Блок А. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 1997. Т. 3. С. 886—887.

¹⁷ Блок А. Записные книжки. С. 416, 417.

¹⁸ О. Ник. [Оцуп Н. А.]. Вечер А. Ремизова и А. Блока // Жизнь искусства. 1919. 11—12 окт.

¹⁹ Новая газета. 1918. 30 июля. № 56.

²⁰ См.: Блок А. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 3. С. 887—889.

²¹ Айхенвальд Ю. Лирик нашего времени // Театральный курьер. 1918. 29 сент. № 11.

²² Поупуно отметим, что название издательства было напечатано с ошибкой: «Альконост». Иванов указал на это Алянскому при первой встрече.

²³ Алянский С. М. Указ. соч. С. 49.

комства Блока с «антиреволюционными» стихами Иванова. До того было известно лишь, что номера «Народоправства» за 1917—1918 годы имелись в библиотеке Блока.²⁴

Хотя мы знаем, что Иванов враждебно относился к «Двенадцати», какие-либо его прямые оценки, совпадающие по времени с публикацией поэмы, до нас не дошли. Известно лишь высказывание, датированное 17 января 1921 года: «Да и Блоком я недоволен. Он тоже „пошел в народ“, становится Некрасовым».²⁵ Таким образом, реакцию Иванова на предложение Алянского сотрудничать в издательстве «Алконост» следует признать самым ранним свидетельством о его отношении к Блоку после публикации революционной поэмы.

Алянский вспоминал о своем первом визите к поэту: «Пока я представлялся Вячеславу Иванову в передней, он был спокоен и любезен. Но как только я сказал, что привез ему привет и книжечкуют Александра Блока, глаза Иванова сверкнули и резко кольнули меня. Он переспросил, от кого привет, будто не расслышал, привел меня в небольшую комнату, предложил сесть, а сам стал медленно и внимательно рассматривать „Соловьиный сад“; должно быть, несколько раз прочел дарственную надпись Блока и, как мне показалось, долго молчал. Я был подготовлен Блоком к тому, что наша встреча может оказаться резкой и враждебной. Помолчав, Вячеслав Иванов начал расспрашивать меня о Блоке, при этом он явно волновался. Видно было, что мой визит и привет от Блока вывели Иванова из равновесия, а его затянувшуюся задумчивость я объяснил нахлынувшими воспоминаниями. Когда он успокоился, то начал спрашивать меня, кто я и может ли он быть мне чем-нибудь полезен. Я объяснил, что я издатель „Соловьиного сада“ и что мне хотелось бы получить для издательства стихи или прозу Вячеслава Иванова. И опять острый взгляд кольнул меня. (...) Иванов, не дав мне произнести ни слова, вдруг резко спросил, а знаю ли я, кто он, и зачем я к нему пришел. Я опять рассказал, зачем пришел к нему, и стал заверять, что знаю его стихи и статьи, и назвал несколько его книг. И снова две стрелы вонзились в меня: „Вы приехали окрашивать меня в красный цвет“».²⁶

Итак, рекомендация Блока заставила Иванова принять Алянского за приверженца новой власти, что свидетельствует о его исключительно острой реакции на блоковские публикации января 1918 года: статью «Интеллигенция и революция» и поэму «Двенадцать». Иванов занял непримиримую позицию по отношению к их автору. В этом убеждает продолжение его разговора с Алянским: «Придя в себя и стараясь быть спокойным, я стал излагать свою „идею“ — объединить символы. Но Вячеслав Иванов смотрел на меня с недоверием. Ему, должно быть, казалось, что я хитрю, что в действительности я посланец дьявола, пришедший соблазнять его. И тут начался допрос с пристрастием: он выпытывал мои политические убеждения, интересовался моим духовным содержанием и забрасывал меня такими вопросами, над которыми мне пришлось бы долго думать, прежде чем ответить. Я молчал, а он продолжал спрашивать и удивлялся моему молчанию. Когда я наконец начинал что-то робко лепетать, он перебивал меня новыми и новыми вопросами».²⁷ Поводом для столь пристрастного допроса опять-таки стала рекомендация Блока.

В заключение первой встречи Иванов решил подвергнуть посланца серьезной проверке: предложил напечатать «Песни смутного времени».²⁸ Тем самым Иванов выразил очень важную для понимания его отношений с Блоком и общественной

²⁴ См.: Библиотека А. А. Блока. Описание. Л., 1986. Кн. 3. С. 276; разд. «Книги, местонахождение которых неизвестно».

²⁵ *Альтман М. С.* Указ. соч. С. 27.

²⁶ *Алянский С. М.* Указ. соч. С. 54—55.

²⁷ Там же. С. 55.

²⁸ Там же. С. 55—56.

позиции в целом мысль: свои «Песни смутного времени» он противопоставлял «Двенадцати».

Перед вторым визитом к Иванову Алянский успел прочитать «Песни смутного времени» и понял, что «печатать их было невозможно даже при самом аполитичном отношении к искусству. Я шел отказываться от них».²⁹ Однако за это время и в отношении Иванова к новому издательству произошел весьма неожиданный поворот: «Они (он и его жена) решили, что у постели больного не следует говорить о его болезни (больной, по их мнению, — это Россия, а болезнь — это революция) и что поэтому он не даст мне „Песни смутного времени“. Он готов верить в чистоту моих намерений. Он не против сотрудничества с Блоком — „художником, перед которым снимает шляпу“. О своем же отношении к „Двенадцати“ он когда-нибудь мне расскажет. А сейчас он предлагает „Алконосту“ свою поэму „Младенчество“».³⁰

К сожалению, либо Иванов так и не собрался рассказать Алянскому о своем отношении к поэме «Двенадцать», либо последний не решился пересказать его мысли, но единственный известный нам ивановский отзыв был записан в 1921 году Моисеем Альтманом.³¹ В рамках данного сюжета хотелось бы обратить внимание на то, что столь резкое изменение в отношении Иванова к издательству «Алконост» произошло, по крайней мере, отчасти, под влиянием поэмы «Соловьиный сад». По свидетельству Алянского, «желая, должно быть, сладить впечатление вчерашнего дня, Вячеслав Иванов расхваливал „Соловьиный сад“ и, что особенно мне было приятно, одобрил удачный формат, шрифт и оформление книжечки».³²

Для нас существенно, что содержание этого и предыдущего разговора с Ивановым чрезвычайно заинтересовало Блока, который, по воспоминаниям Алянского, «заставил меня вспомнить абсолютно все слова, которые говорил Вячеслав Иванов. Я понял, что результатом моей московской поездки Блок был заинтересован не меньше меня».³³ Несмотря на то, что следующим изданием Алянского была поэма «Двенадцать» с иллюстрациями Ю. Анненкова, никаких протестов со стороны Иванова выход этой книги не вызвал. Он продолжал сотрудничать с «Алконостом» и опубликовал в журнале «Записки мечтателей» одну из своих программных статей — «Кручи. О кризисе гуманизма». Причина такого отношения Иванова к «Алконосту», как уже говорилось выше, заключалась в том, что он воспринял «Соловьиный сад» как антитезу «Двенадцати».

Образы «Соловьиного сада» глубоко проникли в сознание Иванова. Об этом свидетельствует его стихотворный отклик на смерть Блока:³⁴

В глухой стене проломанная дверь,
И груды развороченных камней,

²⁹ Там же. С. 58. Как указал Н. В. Котрелев, Алянский неточно излагает последовательность событий: первоначально «Песни смутного времени» были включены в издательский план «Алконоста», однако в дальнейшем Вяч. Иванов не возвращался к этому проекту, и при его жизни цикл больше не публиковался. Подробнее об этом см.: Из переписки Александра Блока и Вячеслава Иванова / Публ. Н. В. Котрелева // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1982. Т. 41. № 2. С. 163.

³⁰ Алянский С. М. Указ. соч. С. 58.

³¹ «Христос есть тот, кто во 12. И на Св. Вечери всего 12, а не 13, ибо Иуда уходит, Христос — остается. Он всегда есть таинственный во 12. И вот Блок, назвав поэму „Двенадцать“, где является Христос, чувствовал смутно это, но сбивался, он бродит только вокруг да около» (Альтман М. С. Указ. соч. С. 75; запись от 24 августа 1921 года).

³² Алянский С. М. Указ. соч. С. 58.

³³ Там же. С. 59.

³⁴ В автографе стихотворения «Умер Блок» поэт сделал помету: «Баку, 10. VIII — вечером, при виде проломанной в университетском коридоре двери. Утром узнал, что вчера в 10 ч. утра умер Александр Блок» (цит. по: Иванов В. Собр. соч. Брюссель, 1974. Т. 3. С. 838, далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы). Дата смерти Блока в записи Вяч. Иванова приводится неточно.

И брошенный на них железный лом,
И глубина, разверстая за ней,
И белый прах, развеянный кругом, —
Всё — голос Бога: «Воскресенью верь».

(3, 547)

Очевиден основной подтекст этого стихотворения: евангельский рассказ о явлении ангела женам-мироносицам у Гроба Господня, представляющий первое свидетельство о Воскресении Господа.³⁵ На многих иконах с изображением этого эпизода можно увидеть черный провал пустой могилы. Заключительная фраза «Воскресенью верь» напоминает свидетельство евангелистов о том, что даже самые верные ученики сначала не поверили вести жен-мироносиц о Воскресении.

Однако со всей очевидностью это стихотворение содержит еще и как образные (проломанный / ломать, брошенный железный лом / брошен лом и железная дорога, груды камней / куски скал), так и фонетические отсылки к «Соловьиному саду». Ср.:

В глухой стене проломанная
дверь,
И груды развороченных камней,
И брошенный на них железный
лом,
И глубина, разверстая за ней,
И белый прах, развеянный
кругом, —
Всё — голос Бога: «Воскресенью
верь».

Я ломаю слоистые скалы
В час отлива на илистом дне,
И таскает осел мой усталый
Их куски на мохнатой спине.
(...)
Донесем до железной дороги,
(...)
Брошен лом на песке под
скалой,
А хозяин блуждает
влюбленный
За ночью, за знойною
мглой.³⁶

Кроме того, в этом стихотворении можно увидеть анаграмму фамилии Блока. Ранее поэт уже прибегал к подобному приему, когда в сонете «Что в имени твоём пьянит? Игра ль...» (2, 388—389) «спрятал» имя Лидии Ивановой в повторяющемся слове «ли».³⁷

Наконец, заключительная строка ивановского стихотворения противопоставлена финалу «Соловьиного сада»:

А с тропинки, протоптанной мною,
Там, где хижина прежде была,
Стал спускаться рабочий с киркою,
Погоня чужого осла.

Идея блоковского финала — измена идеалам социального служения не проходит для поэта бесследно. Иванов противопоставляет ей веру в то, что воскресение и преобразование возможны после любого «падения».

О глубине восприятия Ивановым блоковской поэмы, которая в какой-то мере примирила его с автором, косвенно свидетельствует и набросок незаконченного стихотворного обращения к Блоку, сохранившийся на следующей странице ивановской рукописи:

Отгорел твой костер. Незнакомка знакомая
Позвала, обняла, увела...

³⁵ См.: Мф. 28:1—10, Мк. 16:1—13, Лк. 23:23—55, Ин. 20:1—18.

³⁶ Блок А. А. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 159—160.

³⁷ Подробнее об этом см.: Топоров В. Н. «Скрытое» имя в русской поэзии // Имя. Семантическая аура. М., 2007. С. 127.

Когда ж мою путницу слышу из дома я,
 С ней пойду из чужого угла?
 Мы по-своему каждый свое ясновидели
 И хватились золотого кольца.
 Родное и кровное мы оба обидели
 Кто мать? Кто — живого отца?
 Мы веревкой одною по чреслам повязаны
 И друг друга таясь, как врага,
 Шли единой стремниной; но были заказаны
 Нам обоим святые снега.

(3, 838)

В другом варианте первые три строки читаются так:

Крест на розах сгорел. Незнакомка знакомая
 Лик открыв, позвала, увела...
 О когда ж моей путницы песнь услышу из дома я...

(3, 839)

Этот текст включает в себя образы блоковских произведений: «незнакомка», «роза и крест», и свидетельствует о том, что, несмотря на все различия в общественной позиции, они жили в сознании Иванова, и «глубинный» диалог с ними продолжался.

Попробуем последовательно прокомментировать этот набросок.³⁸

Отгорел твой костер. Незнакомка знакомая (Крест на розах сгорел...) Позвала, обняла, увела... (Лик открыв, позвала, увела...)

Первая же фраза «Отгорел твой костер» отсылает к обмену поэтическими посланиями, состоявшемуся между поэтами в 1912 году. Стихотворение Блока «Вячеславу Иванову» заканчивалось строками:

Теперь на пыльном перекрестке
 На царский поезд твой смотрию.³⁹

Свой ответ Иванов начинал с развития образа «царского поезда»:

Ты царским поездом назвал
 Заката огненное диво.
 Еще костер не отпылал,
 И розы жалят: сердце живо.
 (3, 10)

Пылающий костер здесь — парафраз названия ивановского сборника «Cor Ardens» (1911; т. е. «пламенеющее сердце»). Иванов передал Блоку свои поэтические обращения, надписав их на двух томах этого сборника.⁴⁰ Образ костра отсылает также к стихотворению «На снежном костре» (1907) из цикла «Снежная маска», которым Вяч. Иванов восхищался.⁴¹ Таким образом, пылающий костер как метафора продолжающейся жизни был актуальным образом в поэтических обращениях Иванова к Блоку.

³⁸ Комментируемые далее строки из наброска Иванова выделены нами курсивом.

³⁹ Блок А. А. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 100.

⁴⁰ Блок А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 3. С. 549.

⁴¹ Подробнее об отношениях Вяч. Иванова и А. А. Блока в период создания «Снежной маски» см.: Минц З. Г. А. Блок и В. Иванов. Статья I: Годы первой русской революции // Минц З. Г. Александр Блок и русские писатели. С. 621—629; Блок А. А. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 781—784.

Не менее очевидна и отсылка к блоковскому стихотворению «Незнакомка» (1906). По замечанию А. В. Лаврова, «„Незнакомка” вскоре после выхода в свет книги „Нечаянная Радость” (январь 1907 года), где она впервые была опубликована, стала известнейшим из произведений Блока, своего рода его поэтической визитной карточкой».⁴² Исследователь указывает на то, что одно из первых чтений «Незнакомки» состоялось на «литературной „среде” Вяч. Иванова у него на квартире — на так называемой „башне”»,⁴³ но что гораздо важнее для нашей темы — что под влиянием стихотворения Блока жена Иванова — Л. Д. Зиновьева-Аннибал написала рассказ «Голова Медузы», который «включает прямые вариации на темы блоковской „Незнакомки”».⁴⁴ Этот рассказ был впервые опубликован в 1918 году в ее сборнике «Нет!», который вышел в издательстве «Алконост» с предисловием Иванова,⁴⁵ и, по свидетельству последнего, был частью незаконченного романа «Пламенники»,⁴⁶ что, возможно, объясняет возникновение в отклике на смерть Блока мотива костра, сгоревшего креста и далее — воспоминаний о «моей путешнице». Блока связывали с Зиновьевой-Аннибал близкие и доверительные отношения, на что также указывает Лавров.⁴⁷

В обоих вариантах второй строки, по всей видимости, содержатся отсылки к «Незнакомке»: освободив лик от темной вуали, незнакомка зовет поэта в очарованную даль.

*Когда ж мою путешницу слышу из дома я,
С ней пойду из чужого угла?*

Эти строки отсылают к блоковской теме «странствия», а также связанной с ней и актуальной для творчества Иванова на всем его протяжении теме возвращения домой, возвращения к истокам. С. С. Аверинцев писал об этом: «Пафос движения без оглядки и без возврата, отрицающий всякую стабильность, размыкающий всякую замкнутость, — для поэзии Блока одновременно важнейшая объективная характеристика и столь же важная субъективная самохарактеристика, то есть центральная тема».⁴⁸

В цитированном выше ивановском послании Блоку 1912 года есть строки, актуализирующие тему возвращения домой и вводящие образ «родного», который вновь появится в посмертном послании:

Ты повернул к родимым вьюгам
Гиперборейских лебедей!

(3, 10)

Упоминание о «чужом угле» вызывает ассоциацию с «Перепиской из двух углов» (1920), но этот образ не получает развития. Кроме того, в период создания стихо-

⁴² Лавров А. В. Блоковская «Незнакомка» в рассказе Л. Д. Зиновьевой-Аннибал // Лавров А. В. Этюды о Блоке. СПб., 2000. С. 160—161.

⁴³ Там же. С. 161.

⁴⁴ Там же. С. 164. Подробнее о блоковских мотивах в рассказе «Голова Медузы» см.: Никольская Т. Л. Творческий путь Л. Д. Зиновьевой-Аннибал // Ал. Блок и революция 1905 года: Блоковский сборник. VIII. Тарту, 1988. С. 127—128 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 813); Зиновьева-Аннибал Л. Тридцать три урода / Публ. и комм. М. В. Михайловой. М., 1999. С. 476—477.

⁴⁵ Зиновьева-Аннибал Л. Нет!: Рассказы / Посмертное изд. под ред. Вячеслава Иванова. СПб., 1918.

⁴⁶ Там же. С. 6.

⁴⁷ Лавров А. В. Блоковская «Незнакомка» в рассказе Л. Д. Зиновьевой-Аннибал. С. 162—164.

⁴⁸ Аверинцев С. С. Системность символов в поэзии Вячеслава Иванова // Аверинцев С. С. Поэты. М., 1996. С. 173. См. об этом также: Максимов Д. Е. Идея пути в поэтическом сознании Ал. Блока // Блоковский сборник II. Труды Второй научной конференции, посвященной изучению жизни и творчества А. А. Блока. Тарту, 1972. С. 25—121.

творения «Умер Блок» Иванов имел все основания болезненно переживать неопределенность своего положения, так как, хотя он и был профессором Бакинского университета,⁴⁹ это считалось всего лишь «командировкой» Наркомпроса, сотрудником которого поэт являлся в 1918—1920 годах. Тема противопоставления «своего угла» окружающему миру становится одной из центральных в послереволюционном творчестве Вяч. Иванова. Ср.:

Тепло в черте магического круга;
На очаге клокочет котелок,
И светит Агни, как улыбка друга.
(«Зимние сонеты», 1920 — 3, 571)

*Мы по-своему каждый свое ясновидели
И хватились золотого кольца.*

По преданию тот, кто похитит клад нибелунгов и скует из него золотое кольцо, получит власть над миром. Оперная тетралогия Вагнера «Кольцо нибелунга» и образ поэта как властителя умов были важны для всех русских символистов.

*Родное и кровное мы оба обидели
Кто мать? Кто — живого отца?*

Тема личной ответственности за события, происходящие в России, была особенно важна для Иванова в послереволюционные годы. Уже в 1917 году в стихотворении «Порочный круг» он с горечью констатировал:

Ругаясь над старую славой,
Одно сберегли мы — бесславье;
Покончив с *родимой* державой,
Оставили — самодержавье.
(4, 69)

А в послании Георгию Чулкову 1919 года признавал:

Да, сей костер мы поджигали,
И совесть правду говорит,
Хотя предчувствия не лгали,
Что сердце наше в нем сгорит.
(4, 81)

Кроме того, в заключительном стихотворении цикла «Песни смутного времени» (1918) поэт называет Богородицу «смут и кровей на *родимой* земле Умирительница» (4, 75).

Под обидой, нанесенной Блоком, Иванов, скорее всего, подразумевает «Двенадцать» («Пальнем-ка пулей в Святую Русь», Иисус Христос во главе шайки разбойников-красноармейцев и т. д.).

Мы веревкой одною по чреслам повязаны

Творческие и личные отношения Блока и Иванова знали периоды значительного сближения и не менее значительного расхождения во взглядах на творчество и происходящие в России социальные изменения. При этом оба осознавали, что между ними существует особая связь. В ранее упоминавшемся обращении к Иванову Блок признавался:

⁴⁹ См. об этом: *Котрелев Н. В.* Вяч. Иванов — профессор Бакинского университета // Труды по русской и славянской филологии. XI. Литературоведение. Тарту, 1968. С. 326—339 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 209).

...И горькой складкой те года
 Легли на сердце мне. И друга
 В тебе не вижу, как тогда.⁵⁰

Оглядываясь назад, Блок признает, что было время, когда «наши души спели (...) один и тот же стих». Это стихотворение датировано 18 апреля 1918 года, а двумя днями ранее в письме Андрею Белому Блок более подробно характеризует свое отношение к Иванову: «...есть любовь, есть дружба, но то, что между нами с В(ячеславом) И(вановым), надо назвать „романом“, а „романическое“ не во все периоды жизни одинаково привлекательно...».⁵¹

Ответ Иванова на горькое признание Блока перекликается как с посланием последнего, так и удивительным образом с процитированным письмом Белому (хотя оснований предполагать, что Иванов мог быть знаком с этим письмом, нет):

Пусть вновь — не друг, о мой любимый!
 Но братом буду я тебе
 На веки вечные в родимой
 Народной мысли и судьбе

Затем, что оба Соловьевым
 Таинственно мы крещены;
 Затем, что обрученьем новым
 С Единою обручены.

(3, 10)

По мнению Иванова, их с Блоком единство глубинно и неизбежно, освящено наследием Владимира Соловьева и некогда общим, по определению О. Дешарт, «чувствованием Нетварной Премудрости» (4, 695)⁵² — Софии, и это единство неподвластно каким-то внешним расхождениям во взглядах.

*И друг друга таясь, как врага,
 Шли единой стремниной...*

Слово «стремнина» используется здесь в значении «крутой скалистый обрыв, крутизна, бездна»⁵³ и вводит тему восхождения, которая раскрывается в последней строке, объясняя при этом, что за веревкой повязаны поэты в предыдущей строке: они поднимаются в альпинистской «связке».

Итак, эти строки описывают отношения поэтов после революции. Воспоминания Алянского позволяют понять, насколько настороженно, но вместе с тем и заинтересованно они воспринимали любые сведения друг о друге.

Что касается «единой стремнины», то определенное единомыслие поэтов в этот период отмечалось еще современниками. В статье Г. Чулкова «Красный призрак»,⁵⁴ одна из тем которой — связь декадентства и революции, проводилась параллель между отношением к революции Иванова, выраженным в его книге «Родное и Вселенское» (1917), и статьей Блока «Интеллигенция и революция». Кроме того, статья Иванова «Кручи. О кризисе гуманизма» (1919) и Блока «Крушение гуманизма» (1919) появляются практически одновременно.⁵⁵ О том, что Блок при-

⁵⁰ Блок А. А. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 100.

⁵¹ Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. 1903—1919 / Публ., предисл. и комм. А. В. Лаврова. М., 2001. С. 450.

⁵² Из комментария О. Дешарт к сборнику «Нежная тайна».

⁵³ Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова: В 4 т. М., 1940. Т. 4. Стлб. 557.

⁵⁴ Чулков Г. Красный призрак. Листки из дневника // Народопрствство. 1918. 1 февр. № 23—24. Статья в виде журнальной вырезки сохранилась в архиве Блока (ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 3. Ед. хр. 95). Рукой поэта проставлена дата: 1. II. 1918.

⁵⁵ Об истории создания этих статей см.: Иванова Е. В. К спору вокруг статьи А. Блока «Крушение гуманизма». С. 192—201.

знавал ивановскую правоту в отношении поэмы «Двенадцать», свидетельствует его признание, записанное Ф. И. Коган со слов Иванова: «Я сам знаю, Вячеслав Иванович (...), все, что я написал до сих пор, это все только бред и невроз революции». ⁵⁶ Однако учитывать эти слова Блока можно лишь с определенными оговорками, так как они записаны не с его слов.

...но были заказаны

Нам обоим святые снега.

Образ снега у Иванова полисемантический. Как нечто непорочное и святое этот образ встречается в его поэзии достаточно часто ⁵⁷ и восходит к известному стиху из пятидесятого псалма царя Давида: «Омьешь мя и паче снега убелюся» (Пс., 50: 9). Ответить на вопрос, какие же «святые снега» заказаны обоим поэтам, помогает другой образ — из стихотворения «Сердце Диониса» (1906):

Осиян алмазной славой,
Снеговерхий, двоеглавый, —
(...)
Ты предстал, Парнас венчанный,
В день избранный, предо мной!

(2, 236)

Актуализируется этот образ в драме «Прометей», вышедшей отдельным изданием в «Алконосте». ⁵⁸ В прамбуле к драме «снеговерхими» Иванов называет горы Греции. По его мнению, наказанием для поэта за обиду «родного и кровного» может быть только одно — недоступность Парнаса. Тема восхождения как движения к истинной простоте (в противовес бегству и «опрощению», которое есть «реакция трусливая и усталая» (3, 412)) становится одной из важнейших в появившейся незадолго до написания этих строк «Переписке из двух углов»: «Не выходом из данной среды или страны добывается она (простота. — Л. З.), но восхождением. На каждом месте, — опять повторяю и свидетельствую, — Вефиль и лестница Иакова, — в каждом центре любого горизонта. Это путь свободы истинной и творчески-действенной; но пуста свобода, украденная забвением» (3, 412).

Таким образом, этот незаконченный набросок полон важных для понимания взаимоотношений поэтов аллюзий. Иванов ценил в этих отношениях прежде всего то, что объединяло его с Блоком и составляло основу поэтического творчества обоих в начале 1900-х годов, когда их души пели «один и тот же стих». То же, что разъединяло поэтов, он считал несущественным для «глубинного» общения.

В беседе с Моисеем Альтманом, состоявшейся 20 сентября 1921 года, Иванов так отозвался о причинах смерти Блока: «И если всякие убийства противны, то в революциях особенно противны те, которые наименее стихийны и совпадают не с подъемом революционной волны, а с ее упадком. (...). Да, неслыханная это тирания, убивающая всех, кто смеет быть самим собой. Троцкого (друг Вяч. Иванова С. В. Троцкий. — Л. З.) убили за то, что он Троцкий, а Гумилева за то, что он Гумилев. Их убили, а Блока убило. Ибо грудная жаба — это болезнь, которая сильно зависит от состояния нервов. Ну, а нервы Блока в это время имели от чего быть возбужденными». ⁵⁹

⁵⁶ Блок в неизданной переписке и дневниках современников (1898—1921) / Вступ. статья Н. В. Котрелева и З. Г. Минц; Публ. Н. В. Котрелева и Р. Д. Тименчика // Лит. наследство. Т. 92. Кн. 3. С. 497.

⁵⁷ Ср.: «непорочный снег» (венки сонетов из сборника «Cor Ardens», т. 2, с. 416), «агнецев снег» («Сфинкс» из сборника «Кормчие звезды», т. 1, с. 657).

⁵⁸ Иванов В. Прометей. Трагедия. СПб., 1919.

⁵⁹ Альтман М. С. Указ. соч. С. 91. Слух о гибели С. В. Троцкого оказался ложным.

В 1923 году Алянский решил издать сборник воспоминаний о Блоке и обратился с просьбой написать о нем к Иванову. 14 марта 1923 года поэт ответил ему: «О покойном А. А. Блоке отказываюсь ныне и говорить, и писать: им завладела большая политика. Но Вам м(ожет) б(ыть) и пришлю страничку воспоминаний». ⁶⁰

Можно предположить, что черновой набросок именно этой «странички» представляет собой следующий фрагмент, сохранившийся в архиве Вяч. Иванова:

«Блок спел нам [одну] единственно длинную, причудливо-странную, сердце щемящую песню. Она умолкла, эта песня всепоглощающего благозвучия [непонятного], подчиненного внутренним, глубоко скрытым законам, тайна действия которых [производило] [чаровало] [двигала сердца] играла сердцами слушателей, как волшебная скрипка. Это <было стихом поющей боли?>, и ранили эти стихи как [нрзб.] усладная, жадная боль.

(в тексте оставлен большой пробел)

А. Блок — это Ап. Майков, кот(оро)го так любил, — даже Апухтин («ночи безсонные...»), это цыганщина, русский Дионис — из надрывного чувства непримиримого между требованиями сердца и действительностью, из чувства слабости своей перед действительностью, из желания забыться в упоительно(сти) беспредметного-произвольного, <вольным?> и всеобщим, точнее — разорваться как <счастливым?> туго парящ(ею/ем) струею в надрывающем сердца <веселии?> этого целого.

А. Блок — это датский принц, а его биография — [нрзб.], <большого русско-го?> и бессилие высокомерно-грустного принца. — Но Гамлет — принц классический, Блок романтический —, т. е. выдерживающий <страх?> Гамлет, кончающий Дон-Кихот(ством) „Скифов” и „Двенадцати”». ⁶¹

Прежде всего обращает на себя внимание запечатленное здесь очевидное смягчение отношения поэта к «Двенадцати», которое произошло после смерти Блока. Поэма и примыкающее к ней стихотворение «Скифы» названы им «донкихотством», а сам Блок сравнивается с Гамлетом. Эти образы отсылают к ивановской статье «Шекспир и Сервантес» (1916) из сборника «Родное и вселенское» (1917). Ключ к образу Гамлета Иванова усматривает (соглашаясь в этом с Гете и Львом Шестовым) в словах «загадочного принца»: «Распалась связь времен: Зачем же я связать ее рожден?». Шекспир, по его мнению, «решает мировые проблемы <...> чисто-трагически выходом в безумие и признанием иррационального или сверхразумного начала в видимом мироустройстве, никогда не объяснимом до конца, ибо „много в нем такого”, как напоминает Гамлет другу Горацио, „о чем не снилось нашим мудрецам”» (4, 105). Дон Кихот также «выпал из разума истории и связи ее, и ветхие формы, в какие облек он свой порыв, повисли смешными лохмотьями былого великолепия, и сам он обречен был долгие века служить посмешищем и притчею во языцах» (4, 107). Как представляется, именно под этим углом зрения следует рассматривать слова Иванова о «донкихотстве» поэмы «Двенадцать». Такой взгляд на послереволюционное творчество поэта перекликается с характеристикой Блока из статьи Иванова «Валерий Брюсов», опубликованной 25 декабря 1923 года в газете «Бакинский рабочий»: «искатель, исстрадавшийся от безвыходности всех прежних путей». ⁶²

Таким образом, в 1921—1923 годах Иванов переосмыслил свое отношение к послереволюционному творчеству Блока и от резкого неприятия пришел к пониманию и примирению.

⁶⁰ РГАЛИ. Ф. 20 (С. М. Алянский). Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 4 об. Это письмо опубликовано лишь частично (см.: Блок в неизданной переписке и дневниках современников (1898—1921). С. 537).

⁶¹ РГБ. Ф. 109. Карт. 5. Ед. хр. 53. В квадратных скобках восстановлены вычеркнутые слова, а в угловых — неразборчивые слова и фразы, о значении которых можно догадаться только по контексту.

⁶² Цит. по: Блок в неизданной переписке и дневниках современников (1898—1921). С. 537.

Технический редактор *Е. Г. Коленова*
Корректоры *О. В. Гусихина, Н. И. Журавлева и Ф. Я. Петрова*
Компьютерная верстка *Т. Н. Поповой*

Лицензия ИД № 02980 от 06 октября 2000 г. Подписано к печати 20.01.11.
Формат 70 × 100 $\frac{1}{16}$. Гарнитура школьная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 23.4.
Уч.-изд. л. 29.0. Тираж 356 экз. Тип. зак. № 719. С 17

Санкт-Петербургская издательская фирма «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1
E-mail: main@nauka.nw.ru
Internet: www.naukaspb.spb.ru

Первая Академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12